

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

С. В. Патрушев
А. Д. Хлопин

Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sociokulturnij_raskol.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Патрушев С.В., Хлопин А.Д.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ РАСКОЛ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИИ

ПОНЯТИЕ РАСКОЛА

В последние 15 лет в российской научной и публицистической литературе сложилась традиция рассматривать процессы разного рода дифференциации — социальной, культурной, политической и т.д., используя понятие «раскол». Социокультурный раскол интерпретируется как субкультурный, этнокультурный, социально-профессиональный, регионально-поселенческий, «поколенческий», внутригражданский, социально-политический, внутри политических сил, идеологический etc. Последний из встреченных нами случаев — раскол на «нефтегазовую» культуру и культуру «резервации»¹.

В политической науке понятие *political cleavage*, политического раскола, несет вполне определенную семантическую и эмпирическую нагрузку.

По идее Стейна Роккана и Сеймура Липсета, датированной 1967 г., это понятие должно было связать, с одной стороны, конфигурации европейских партийных систем XX века и, с другой стороны, социальные и культурные различия, дифференциации внутри европейских обществ второй половины XIX столетия, когда эти системы формировались². Эти различия определялись в терминах религии, класса, пространства и этноса.

Структурное разделение преобразуется в раскол только усилиями политических акторов, которые политически артикулируют институционализируют, т.е. последовательно и организованно выражают то, что в противном случае оставалось бы лишь фрагментарными ориентациями, ценностями и практиками членов тех или иных социальных общностей. Заметим, что при этом политика не рассматривается как простое отражение социальных, культурных или психологических процессов. (К сожалению, прошедшие 40 лет видели немало примеров редукционистского толкования каузальной связи политических и неполитических явлений и процессов, например, удвоения ВВП или «нефтяных»

¹ См. Глебова И.И. Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы // Полис, 2006, №1.

² Lipset S.M., Rokkan S. *Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments* / Lipset S.M., Rokkan S. (eds.) *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. N.-Y.: Free, 1967.

темпов экономического роста как фундаментальной, если не единственной, причины политической стабильности / нестабильности).

Сходная методология может быть использована и при анализе социокультурного раскола.

А.С. Ахиезер предложил трактовку раскола как «острого застойного противоречия между культурой и социальными отношениями»³. Как отмечают комментаторы такого понимания, «социокультурное противоречие», отрывающее мысль от дела, идеал от его воплощения, существует в любом обществе, но требуются особые условия, чтобы из этого противоречия возник социокультурный раскол»⁴. Речь идет, в частности, об особенностях деятельности массового субъекта, которая имеет не столько протестный, сколько и преимущественно повседневный характер.

Обсуждение этих условий и особенностей — сюжет для другого рассказа, длинная история, в написание которой, как известно, уже втянулись специалисты и нашего института⁵.

Мы же лишь попытаемся показать наличие в России указанного выше противоречия, его застойный и обостряющийся характер, а также вытекающие отсюда социальные и политические последствия.

РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

С этой целью сопоставим выявленные в ходе наших обследований 1996–2006 гг.⁶ ценностные представления россиян об общественном идеале (желаемом социальном порядке) и о реальном обществе (существующем социальном порядке), имеющие нормативный характер. Если первые характеризуют культурную программу, то вторые позволяют судить о действующих образцах социальных отношений.

В последнее десятилетие происходило нарастание разрыва между «должным» и «сущим», т.е. углубление противоречия между культурно-ценностным идеалом и восприятием социальной реальности, углубление социокультурного противоречия. К наименее желаемым

³ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. II. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. С. 390–391.

⁴ Матвеева С.Я. Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера // Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. I. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. С. 10.

⁵ См. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005.

⁶ См. подробнее: Институциональная политология: Современный институционализм и проблемы политической трансформации России / Под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСПРАН, 2006.

Рис. 1. Вопросы: «Какие принципы, на Ваш взгляд, господствуют в современном российском обществе?» и «А на каких основаниях, принципах должно строиться российское общество?» % от числа опрошенных, 2002 г., N=1005 человек

ценностным основаниям, относятся как раз те нормативные ориентации, что признаются респондентами самыми важными для современного российского порядка. Выявленные расхождения устойчивы, наблюдаются в разных средах, и признаков существенных изменений пока не прослеживается.

Сходные результаты получены и при выяснении ценностных и нормативных представлений относительно государства. (Заметим попутно, что российскому респонденту с трудом дается различие общества, государства и народа, что имеет свое объяснение).

Представленные данные можно трактовать и с точки зрения легитимации и легитимности социального и политического порядка⁷.

Наличие социокультурного противоречия, которое артикулируется через серию разных форм, осложняет процесс институционализации социальных и политических практик. Незавершенность институционализации ощущается людьми как беспорядок и проявляется, в частности, в уровне социального доверия как важнейшей характеристики институциональной среды.

Фиксация низкого уровня обобщенного социального доверия стала общим местом во многих публикациях. Действительно, этот уровень невысок, но, вообще говоря, само по себе это мало что значит.

⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С.153.

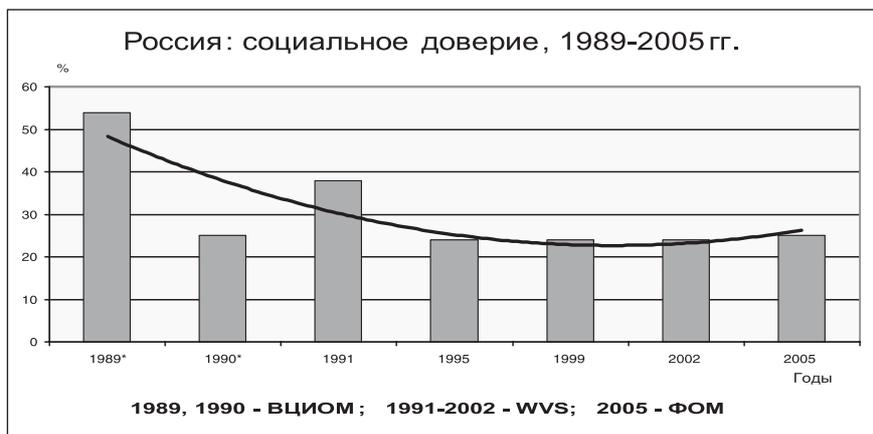

Рис.2.

Во-первых, уровень социального доверия в России, хотя и невысок, не является самым низким. Сравнительные обследования показывают, что есть страны, где ситуация еще хуже. В числе таких стран, например, Франция и Польша.

Рис.3.

Во-вторых, изменение социального доверия зависит от многих факторов. Английский политолог К. Ньютон⁸ из Университета Southampton, автор многих работ по проблемам социального доверия и социального капитала, на основе статистического анализа данных по 60 странам показал, что социальное доверие находится в причинно-следственной связи с такими факторами, как эффективность власти, ее социальной политики, выражающихся, прежде всего, в индикаторах душевого продукта и продолжительности жизни, а также общественный порядок и политическая стабильность, основанные на уважении законности, правовых норм, уважении гражданских и политических прав. В этой связи требуют проверки утверждения, что для формирования политического доверия значимо не реальное функционирование институтов политической и экономической деятельности правительства.

Доверие выше в этнически-однородных обществах. Религиозное разнообразие, как и протестантская традиция, способствует росту доверия (в большей мере, чем образование или активное членство в организациях), а православная и исламская традиции — нет.

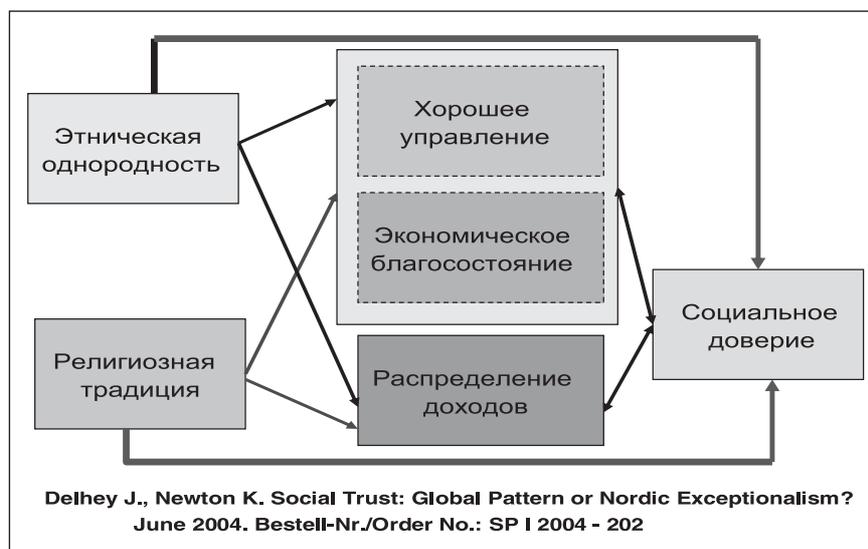

Рис.4.

⁸ Delhey J., Newton K. Social Trust: Global Pattern or Nordic Exceptionalism? June 2004. Bestell-Nr. / Order No.: SP I 2004-202.

Коррупция, неравенство доходов, военные конфликты, преступность, фактически отражающие неэффективную политику власти, препятствуют росту социального доверия.

Особенность России состоит в том, что недостаток социального доверия сочетается с дефицитом легитимности институционального порядка. Анализ организации повседневной жизни россиян показал, что этот дефицит обусловлен базовым противоречием между обществом и государством. Потребность в самостоятельно организованной среде повседневной жизни, регулируемой недвусмысленными, понятными гражданам нормами, находится в противоречии с зависимостью ее организации от социальных институтов, пользующихся властными полномочиями для произвольной регламентации гражданских прав. В этих условиях, самодеятельность россиян имеет тенденцию порождать в качестве базовой формы самоорганизации общности, конституированные из неформальных связей. Они оказываются основными, хотя и латентными, трудно выявляемыми элементами российской социальной структуры.

Указанная тенденция в решающей мере перекрыла вызванную недостатком социального и институционального доверия тенденцию к атомизации постсоветского социума. Его сегментарная структура сохраняется и воспроизводится в сетях вынужденного доверия, которое отчасти восполняет фрагментарность социетального порядка, характеризующегося прерывностью в координации сотрудничества и конфликта. Налицо разнонаправленные тенденции — социетальная дезинтеграция макросреды наряду с социальной интеграцией внутри микросред. Их сосуществование вполне объяснимо с точки зрения неoinституциональной теории. В ней процесс интеграции любого социума рассматривается в двух планах — социетальном (или «системном») на уровне макросреды и социальном на уровне микросреды. Особо выделяется различие в принципах структуризации сетей (или общностей) разного уровня.⁹

Социальная интеграция основана на личном взаимопонимании и доверии, возникающем в микросреде, образованной сетью из устойчивых связей и отношений типа «лицом к лицу», которые регулируются нормами специфической реципрокности — взаимности в признании прав и исполнении обязанностей между родственниками, друзьями, хорошо знакомыми людьми, реже соседями. Такие связи и отношения обычно именуется неформальными.

Социетальная интеграция возникает в процессе политической самоорганизации сегментов социума на основе ценностей и норм общей реципрокности. Они не только регулируют координацию сотрудниче-

⁹ См.: Giddens A. *The Constitution of Society*. Cambridge, 1984. P. 28.

ства и конфликта между различными микросредами, но и поддерживают их автономию в рамках макропорядка, повсеместно признанного легитимным. Характерная для общей реципрокности симметрия в признании прав и обязанностей любого гражданина легитимирована формальным равенством перед законом, гарантированным социетальными институтами власти (государством). «Равенство перед законом заменило привилегию в качестве основополагающего принципа социальной организации»¹⁰. Этот принцип макропорядка реален и эффективен лишь в той мере, в какой поддерживается безличностью в применении нормы общей реципрокности: симметрия в реализации прав и обязанностей любого гражданина безразлична по отношению к личности как тех, кто применяет эту норму, так и тех, к кому она применяется.

СОЦИУМ КЛИК

Сети из устойчивых неформальных связей и отношений, регулируемых нормами специфической реципрокности, представляют собой сообщества «своих», действующие на основе личного доверия и «сговора» в обход закона, формальных правил, или клики¹¹.

Такие клики могут успешно функционировать как в рамках формальных институтов, так и параллельно им, т.к. выполняют функции посредника между государством и частной сферой жизни, а также между чиновниками и частным бизнесом. Сообщества «своих» главным образом преследуют собственные цели, независимо от связей с формальными институтами.

¹⁰ Зидентоп Л. Демократия в Европе. М.: Логос, 2001. С.116.

¹¹ Клика представляет собой разновидность социальных сетей, исследование которых давно стало предметом таких дисциплин, как социология, антропология, экономика. Итогом более чем тридцатилетних исследований явился сетевой подход к изучению неформальных общностей (см.: Knoke D. Associations and Interest Groups // Annual Review of Sociology. 1986. N12; Knoke D., Kuklinski J.H. Network Analysis: Basic Concepts / G. Thompson, J. Frances, R. Levacic & J. Mitchell (eds.) Markets, Hierarchies and Networks. L.: SAGE, 1991; Kaufmann F.-X., Engelbert A., Herlth A., Meier B., Strohmeier K.P. Netzwerkbeziehungen von Familien. Bundesinstitut für Bevölkerungsforschung, Materialien zur Bevölkerungswissenschaft. Sonderheft 17. Wiesbaden, 1989; Pappi F.U. Die Netzwerkanalyse aus soziologischer Sicht / Pappi F.U. (ed.) Methoden der Netzwerkanalyse, pp. 11-37. München: Oldenbourg Verlag, 1987). Его основная посылка заключается в стремлении объяснить деятельность индивидов в рамках этих общностей не из нормативных представлений отдельных акторов или их принадлежности к какой-то социальной группе (например, возрастной), а из структуры их личных связей и отношений. Странников сетевого подхода интересуют главным образом прочность этих связей и отношений, частота взаимодействий, количество ресурсов, подлежащих обмену, наличие симметричности и реципрокности в нем. По этим параметрам получают общую характеристику сети — число участников, плотность их взаимодействий,

Как известно, еще в конце 1950-х годов М. Далтон выделил несколько типов клик, существующих в организационных структурах¹²:

- вертикальные симбиотические, основанные на патрон-клиентских отношениях;
- вертикальные паразитические, опирающиеся на семейные или дружеские связи;
- горизонтальные защитные и горизонтальные агрессивные, которые возникают в период экономических и социальных реформ для того, чтобы противостоять изменениям или использовать их в интересах «своих»;
- случайные клики, основанные на взаимных услугах, включая блат.

Эти типы можно обнаружить в российском социуме, практически в каждом его сегменте и фрагменте. Наиболее очевидными примерами являются коррупционные сообщества, квазигражданские организации и теневые структуры. Сообщества «своих» могут формироваться и на базе возраста, пола, расы и этноса.

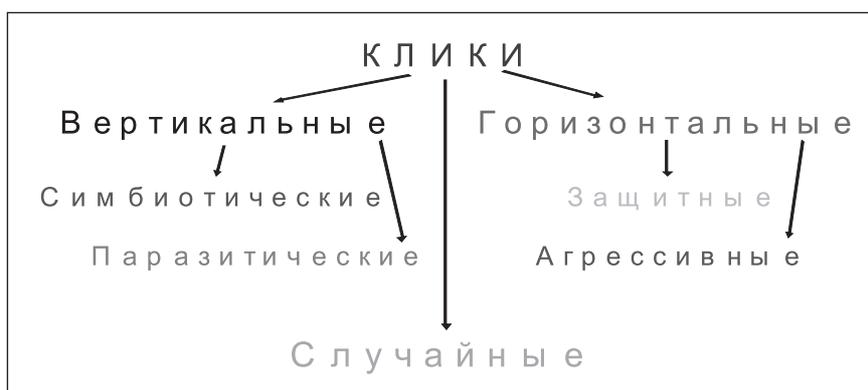

Рис.5. Типология клик по М. Далтону

доступность контактов между ними, общность интересов и способность их реализовать, пользуясь теми или иными формальными институтами. К характеристикам сетей также относят их открытость либо непрозрачность (dark networks). С нашей точки зрения, клика как раз и относится к непрозрачным для постороннего наблюдателя, теневым сетям. Для их исследования выбран неинституциональный подход, т.к. он позволяет детальнее изучить взаимозависимость формальных норм и неформальных правил, регулирующих сетевые отношения в российском социуме. На основе этого подхода нами выдвинута гипотеза о том, что его социальная структура со свойственной ей дискретностью связей и отношений, а также фрагментарностью порядка координации сотрудничества и конфликта может быть описана с помощью кликовой модели.

¹² Dalton M. Men Who Manage. N.Y.: John Wiley & Sons, 1959.

Распространенность клик стимулирует экспансию неформальных связей в макросреду. Их функция заключается в том, чтобы ликвидировать или ослабить одностороннюю институциональную зависимость различных микропрактик граждан. Поиски «своих» людей среди официальных лиц позволяют вступать с ними в створ по нормам специфической реципрокности. Доверительные отношения, устанавливаемые между «своими» вне рамок публичных ролей, позволяют не только обезопасить пространство частной жизни от произвольного применения официальными лицами властных полномочий, регламентирующих гражданские права, но и вывести это пространство из-под контроля социальных институтов, уполномоченных применять санкции за «свободу» от гражданских обязанностей. Устойчивое воспроизводство этих функций обусловлено рассогласованием между средовой потребностью граждан и институциональной структурой, формально предназначенной для ее удовлетворения.

Реальный социум клик выступает как оппозиция потенциального гражданского общества, как вполне реальная альтернатива «нормального» общества.

Концепция социума клик позволяет выявить, что близкий круг общения, включая семью, друзей и товарищей по работе, который, несомненно, образует устойчивый базовый комплекс социальных идентификаций россиян, в отечественных условиях сплошь и рядом является актуально или потенциально «кликковым».

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ

Клики воспроизводят определенную ситуацию и тем самым стабилизируют ее, но одновременно препятствуют изменениям.

В политической практике возникают институциональные ловушки — устойчивые институты, неэффективность которых отражает застойность кликовой организации. Устойчивость и неэффективность института обуславливается «разрывом» между формальными правилами и реальными практиками с учетом этих правил. Они могут быть освоены акторами, вынужденными под давлением обстоятельств пользоваться ими для того, чтобы их предписания суметь нарушить, обойти или как-то иначе приспособить к «своим» целям, но не трансформироваться в нормы, понимаемые и принимаемые в качестве общепринятых образцов для действия. Когда «игру по правилам» изначально замещает «игра с правилами», то акторы, заинтересованные в такой подмене, рискуют оказаться в ловушке: при деформализации правил скопированный институт остается им функционально необхо-

димым, но обреченным быть слабым, поскольку толком не справляется ни с нормативной, ни социализирующей функциями.¹³

В представлениях россиян законы ассоциируются с некоторыми рамками или границами их свободы, которые они вынуждены либо не переходить, либо обходить, проявляя избирательность и осторожность. Понимание закона как рамки с зачастую нечеткими, изменчивыми контурами придает ему статус особой реальности: оставаться в рамках закона значит уметь манипулировать его нормами.¹⁴ Так, вместо «игры по правилам» актеры ведут «игру с правилами». В процессе всевозможных манипуляций собственно и происходит их деформализация.

Понимание закона как рамки с зачастую нечеткими, изменчивыми контурами фактически лежит в основе общей логики процесса деформализации. Если в общепринятом понимании закон — это не ориентир или образец, а рамка или предел допустимого действия, то оно и предполагает «введение формальных правил законодательными и контролирующими органами в таком виде и при таких условиях, которые не предполагают их полного и безусловного выполнения».¹⁵ Экспектация властей предержащих относительно их полного и безусловного выполнения кажется мало вероятной и по иной причине. Нечеткость вводимого правила, сознательно допущенная двусмысленность его формулировки сродни любой неписанной или непроговоренной норме, чье применение освоено едва ли не каждым россиянином на интуитивном уровне из опыта неформальных взаимодействий по «понятиям».

Именно этим существующий в России круг людей постоянного общения, т.е. «свои», отличает российский социум от остальных социумов, по крайней мере, «развитых» стран, где «свои» — это сограждане, которые имеют и воспринимают в качестве базового свой гражданско-правовой статус, или, говоря словами английского политолога Ларри Зидентопа, свою «публичную и обеспеченную правовой санкцией роль»¹⁶.

В условиях, когда в России «пространство частной жизни, защищенное гражданскими правами и ограниченное публичными обязанностями человека»¹⁷, не сложилось, совершенно понятная и нормальная ориентация на обустройство личной жизни не может не вступать и вступает в повседневные конфликты со становлением «нормального современного» общества, которое пока еще трудно представить без правовой и политической оболочки, легитимных институтов.

¹³ См.: Институциональная политология. С. 452-453.

¹⁴ См.: Хлопин А. Закон в социальных представлениях «новых русских» или где проходит грань преступления? // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 3. С. 194-196.

¹⁵ Радаев В. Деформализация правил и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // Вопросы экономики. 2001. № 6. С. 64.

¹⁶ Зидентоп Л. Цит. соч. С.115.

¹⁷ Институциональная политология. С. 105.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КЛИКОВОГО ПОРЯДКА

Власти, политической элите принадлежит, естественно, решающая роль в институциональном конструировании. Проблема состоит, однако, в том, что в социуме клик власть также организована как клика, которая красиво называется «единая команда».

Появление и развитие эффективных политических институтов, т.е. публичных и безличных, вступает в противоречие с принципом функционирования «главной» и «неглавных» властных клик. Между тем, как показано в ряде работ, эффективно действующие политические институты генерируют социальное доверие, дефицит которого, напоминим, является одним из факторов воспроизводства «кликерной» организации.

Современная российская власть выстраивает моноцентричную систему с ограниченным партийно-политическим плюрализмом и конкуренцией, с преобладающей ролью «партии власти» и единым центром принятия решений, причем сам процесс принятия решений вытесняется из формальной сферы в неформальную, где идут не политические дискуссии, а преобладают «понятия и договоренности»¹⁸. Заметим, что поскольку властные клики действуют в пространстве формальных институтов, то их ресурсы и возможности зависят от иерархии последних, хотя формальные рамки не могут ограничивать деятельность клик, процесс распределения и перераспределения ресурсов.

Становление структур «управляемой демократии» возрождает типично российскую конфигурацию власти верховного и подчиненного управления¹⁹.

Отечественная власть оценивается (ощущается и определяется) респондентами как «криминальная, коррумпированная» и «далекая от народа, чужая». Она «бюрократическая» и «непоследовательная». Эти негативные оценки почти зеркально отражаются в позитивном восприятии прежней власти.

Советская власть прежде всего «близка народу, людям», она «своя», «привычная» и потому «авторитетная» и несравненно более «сильная, прочная» (такова оценка власти, которая в 1991 г. ушла в небытие буквально за несколько недель, если не дней) и гораздо более «законная», чем ее неродной наследник.

¹⁸ Что лишний раз подтверждается рутинной практикой неожиданных и громких отставок.

¹⁹ См. Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Юридическое исследование. М.: Москва, 2002 (переиздание работы 1912 г.).

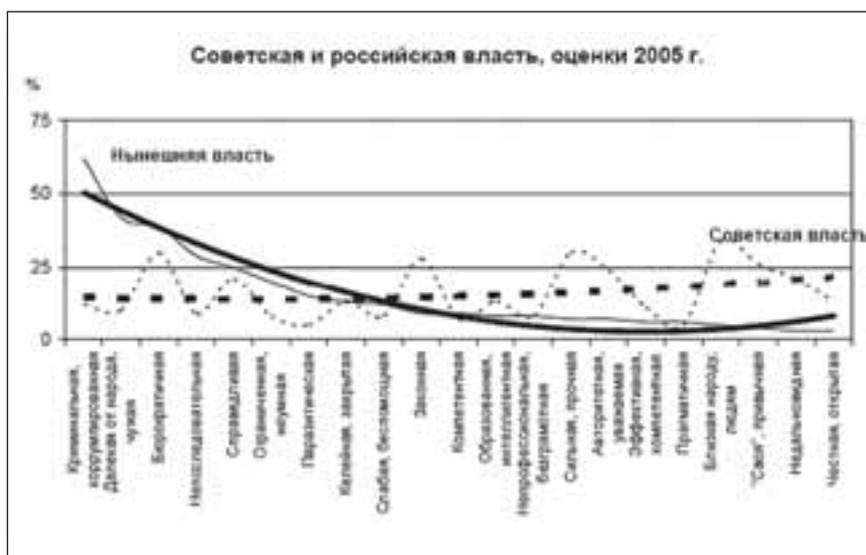

Рис. 6.

Источник: Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. №6(80). С.10.

Такое восприятие прежнего и нынешнего властного порядка хорошо корреспондирует с выстроенной респондентами — участниками опроса ЦИРКОНа иерархией групп-держателей власти²⁰. Президент России, возглавляющий всевозможные рейтинги, на этот раз оказался «зажат» между самыми богатыми людьми страны, олигархами, естественно, весьма далекими от народа, и мафиозно-криминальными группировками, подpiraемыми российскими чиновниками.

На нижних властных этажах самоопределился российский народ — конституционный носитель суверенитета и источник власти. В этой общей диспозиции становится понятнее, почему россияне столь легко отдали свою конституционную роль президенту страны.

Опрос ВЦИОМ в декабре 2005 г.²¹ — насколько хорошо россияне знакомы с основными положениями Конституция РФ — показал, что большие затруднения у респондентов вызвал вопрос о том, согласно Конституции, является носителем суверенитета и источником власти в Российской Федерации. Лишь 19% опрошенных видят в этом ка-

²⁰ Качество и качества власти: восприятие населения. Фрагменты аналитического отчета // Полития. 2005. №2.

²¹ Что мы знаем о российской Конституции // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 355. 2005, 9 дек.

Рис.7.

Источник: Качество и качества власти: восприятие населения. Фрагменты аналитического отчета // Полития. 2005. №2.

честве народ, всех граждан страны. Зато более половины респондентов (55%) уверены, что носителем суверенитета и источником власти в России является президент, глава государства. Причем сторонники КПРФ отводят эту роль президенту чаще, чем избиратели других парламентских партий (66% по сравнению с 47-58%), а сторонники «правящей» «Единой России» — несколько чаще, чем все избиратели страны: 58% против 55%.

Сопоставление ответов на вопросы о доверии президенту России и об одобрении его деятельности приводит к выводу о принципиальной тождественности трендов изменений этих характеристик. Это можно интерпретировать двояко: либо рейтинг доверия В. Путину опирается на высокую оценку президентской работы, либо, напротив, одобрение деятельности президента обусловлено высоким уровнем персонального доверия. Если в этой связи обратиться к оценке работы правительства, фактически формируемого, назначаемого и контролируемого президентом, то легко увидеть тенденцию устойчиво нарастающего недовольства деятельностью российского кабинета министров. Очевидно,

Табл.1. Кто, согласно Конституции, является носителем суверенитета и источником власти в Российской Федерации?

	Все опрошенные	Сторонники политических партий			
		«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Родина»
Президент РФ	55	58	66	57	47
Граждане (народ)	19	19	21	18	32
Парламент РФ	12	11	5	17	11
Высшая сила (Бог)	1	1	-	1	2
Затрудняюсь ответить	13	11	8	8	9

что не работа президента является первичной причиной его высокого рейтинга, по крайней мере, не только она. Прямой вопрос обнаруживает, что основной причиной доверия все более становится личный фактор — россияне не видят альтернативы фигуре действующего президента (см. рис.). Разный механизм легитимации отдельных институтов российской власти создает предпосылки для ее концентрации на самом верху, что ставит вопрос о необходимости или же ненужности других властных институций.

В октябре 2005 г., когда в России начали отмечать 100-летие российского парламентаризма, ФОМ спросил россиян: «До 1905 г. в России не было парламента. Все законы издавались лично царем или им-

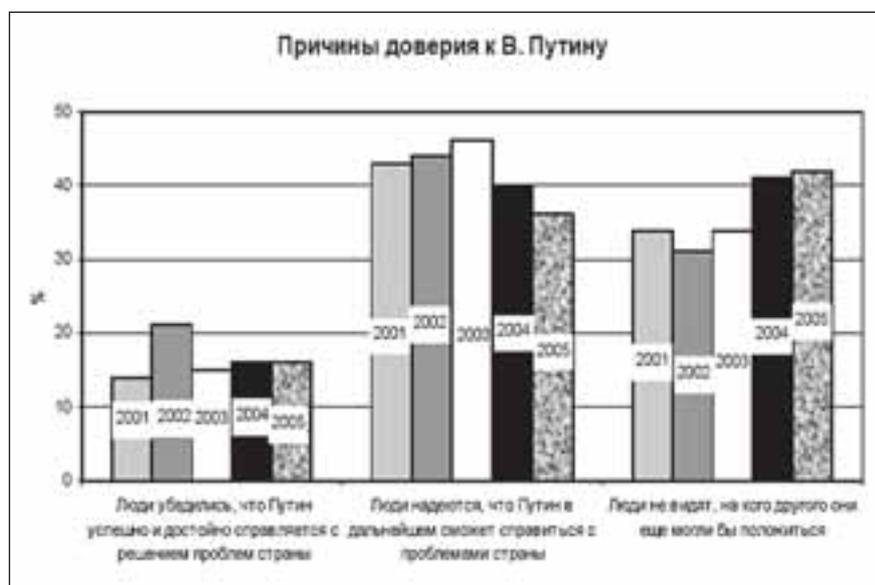

Рис.8.

ператором. Как Вы думаете, а в современной России парламент (Дума) необходим, или без парламента сегодня в России можно обойтись?»²² Ответы разделились на три: 34% считают, что парламент необходим, 35% — что можно обойтись и еще 32% затруднились с ответом.

Снижающееся доверие к правительству и парламенту легитимизирует (а в ряде случаев позволяет и легализовать) расширение фактических полномочий президента не только по властной вертикали, но и горизонтали. Этому не препятствует масштабный конституционный набор президентских функций, включая возможность руководства правительством, отдельными членами кабинета и инициативного законодательства.

Непубличный и персонифицированный характер властных институтов ставит под вопрос их «политичность».

Вступив в 21 век, наши соотечественники заметно охладели к текущей политике, видимо, переложив на президента бремя ответственности за политическое развитие. Как отмечал в октябре 2003 г. главный аналитик Фонда «Общественное мнение», «тенденция к отчуждению от политики в российском обществе выражена сейчас более отчетливо, чем тенденция к политизации»²³. В последующие два года россияне все активнее отворачивались от политики²⁴.

Характерно, что ни парламентские выборы 2003 г., ни президентские 2004 г. практически не повлияли на эту тенденцию. Поддержка «государственно-ориентированных» гражданских структур, подобных Общественной палате, — слабая компенсация.

В сентябре 2005 г. две трети опрошенных ВЦИОМ россиян (69%) полагают, что такие люди, как они, не имеют возможности оказывать влияние на действия правительства. Только каждый четвертый респондент (26%) не разделял их пессимизма. Характерно, что примерно столько же (33%) считали себя информированными в вопросах текущей политики (для сравнения в Евросоюзе — 58%). Гораздо меньше россиян полагают, что знают, как решить политические вопросы и текущие проблемы государства (12%)²⁵.

При этом механизм партийного представительства не рассматривается россиянами в качестве действенного инструмента своего политического влияния. Россияне негативно воспринимали и продолжают

²² Нужен ли сегодня России парламент? ФОМ // http://bd.fom.ru/report/cat/societas/society_power/parliament2/tb054212

²³ Кертман Г. Интерес к политике по-российски: мотивы явные и скрытые. ФОМ // http://bd.fom.ru/report/cat/civil_society/policy_interest/d033935

²⁴ Здесь и далее, если не указано особо, приводятся сопоставимые данные обследований ФОМа, ВЦИОМа, Левада-центра, РОМИР.

²⁵ Кертман Г. Цит. соч.

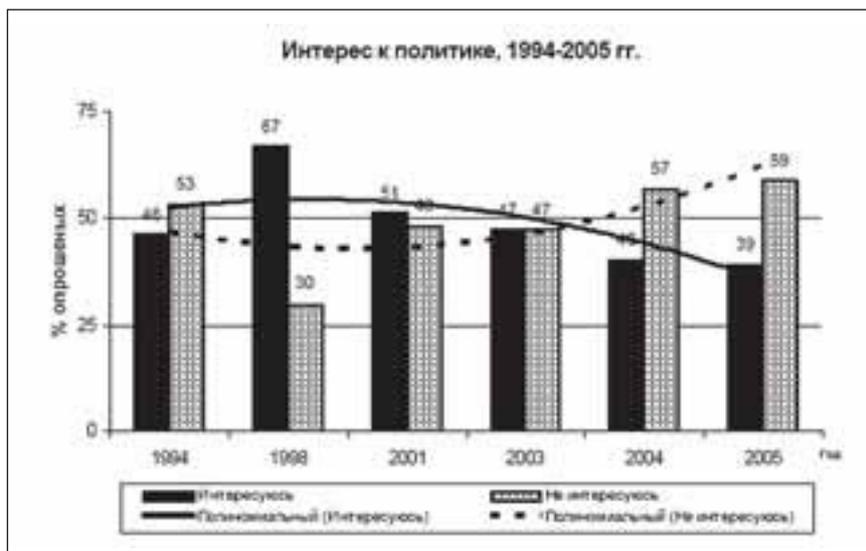

Рис. 9.

воспринимать как партии, так и многопартийную систему в целом.

Объяснения различны, но нам представляется наиболее обоснованным предположение о том, что в основе «антипартийности» лежат клиентский принцип социетальной организации, недостаточная дифференциация государства и общества и, как следствие, трудности политической самоидентификации россиян, которые в большинстве своем неспособны выбрать «специализированного» посредника для представления неясных политических интересов²⁶.

Поэтому граждане новой России в основном поддерживают тенденцию к формированию «солнечной» системы с доминированием одной партии, позиционирующей себя в качестве прямого канала связи с президентом. Соответственно, все сколько-нибудь значимые партии, кроме одной, постепенно дрейфуют в узкую зону электоральных предпочтений: в одних случаях, от 0 до 7%, т.е. за пределы парламентского пространства, в других — от 7 до 10–15%, что позволяет сохранить конституционную «многопартийность» и упростить электоральный выбор.

Это особенно важно с учетом того, что в России снижается ценность института выборов. В 2003 г. 73% россиян признавали, что выборы в принципе нужны, тогда как 20% — считали их ненужными. Три года спустя так думали соответственно 61% и 23% опрошенных²⁷. Россияне

²⁶ См. подробнее: Павлова Т.В. Партийно-политические практики в контексте формирующегося политического порядка // Институциональная политология. М.: ИСПРАН, 2006.

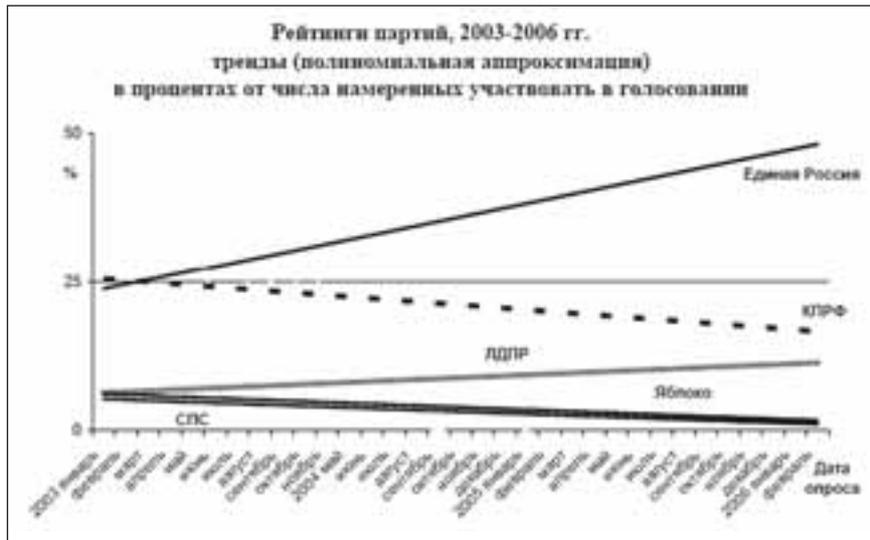

Рис. 10.

реже участвуют или намерены реже участвовать в выборах: в 2002–2003 гг. «всегда» приходили на выборы 47–53%, в 2005 г. так ответили 39%²⁸. Даже «облегченные» выборы одной партии предполагают хотя минимальное знание предполагаемой повестки дня.

Ограничение «стихийной» политической активности, структурирование и стягивание в точку партийно-политического спектра оборачиваются свертыванием пространства политического выбора.

Возникает возможность вертикализации власти путем растягивания властной клики симбиотического типа, и, как следствие, формирование политического порядка, основанного на иерархически выстроенных властных отношениях патрон-клиентского типа при сохранении формальных институтов демократии.

Возможный символический «общественный консенсус» по вопросам «онтологического» характера («укрепление государства», «самобытный путь», «антифашизм» и т.д.) не означает, однако, преодоления отчуждения социума от власти. Напротив, в российских условиях это углубляет социокультурные противоречия с рассмотренными нами социальными и политическими эффектами.

²⁷ Керман Г. Институт выборов и электоральное поведение россиян. ФОМ // http://bd.fom.ru/report/cat/policy/elections/attitude_to_election_/d0600110

²⁸ Там же.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Утверждение нового политического порядка в постсоветской России сопровождается деполитизацией российского населения, которая происходит сразу по нескольким направлениям. Свертывание интереса к политике обусловлено снижением политической информированности и компетентности. На фоне переоценки черт прежнего советского порядка у российских граждан вырабатывается негативное восприятие современного властного порядка, устойчивое неверие в политические цели, провозглашаемые государством. Наряду с другими факторами, все это способствует сохранению низкого уровня социального (межличностного) доверия и падению доверия к большинству политических институтов — парламента, правительства, партии и выборов. Последняя тенденция в какой-то мере компенсируется, сдерживается персонализацией института президента, что, в свою очередь, становится одним из факторов централизации и концентрации верховной власти в России.

Любые изменения политического режима в России — дальнейшее усиление авторитаризма или же либерализации — не меняют характера сложившейся организации власти и социума. А именно об этом идет речь.

Эволюционное накапливание постепенных изменений в среде повседневности, стратегия малых дел кажутся наиболее очевидным, но не обязательно результативным вариантом.

Возможны и другие варианты.

Институциональные блокировки, перенапряжение управленческой вертикали, импульсы которой встречают, по рассмотренным причинам, неадекватную реакцию управляемых, могут привести к неустойчивости властной иерархии, что потребует возникновения демократических практик.

Кликовая организация препятствует процессам дифференциации, в том числе, тем, которые могут быть артикулированы политически.

Не исключено, что именно с артикуляции социокультурного противоречия как раскола и начнется процесс разворачивания новой политической системы России, в рамках которой, используя выражение известного российского историка и политолога академика Ю.С. Пивоварова, на смену формуле «рабство с гарантиями против свободы без гарантий» придет формула «свобода с гарантиями против деспотизма без гарантий».